

Аналитическая история философии: как прошлое философии становится ее будущим

М.Н. Вольф

Институт философии и права СО РАН
630090, ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, Россия
rina.volf@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрен исторический контекст формирования нового модуса истории философии – аналитической истории философии, – а также ряд кейсов и дискуссий, которые определили своеобразие этого подхода. А именно, рассматриваются общее видение вклада Уилфрида Селларса в возрождение историко-философских исследований изнутри аналитической традиции, а также размышления о специфике историко-философского метода, отличного от методов других гуманитарных наук Мориса Мандельбаума, которые фактически явились ответом на вызовы аналитической философии. Кроме того, предлагается обзор размышлений Фридриха Ницше, в которых задолго до кризиса историцизма в аналитической философии оформились претензии к историческому знанию в сходной с аналитиками риторике. Поиски нового модуса истории философии в условиях вызовов аналитической традиции, поставивших под вопрос автономию истории философии, завершились органичным включением аналитического и научного инструментария в историко-философские методы; среди прочего в их число были включены: критическое прочтение текстов и концепций, внимательное отношение к аргументации и логическим связям в философских доктринах, отказ от историцизма и антиквариаризма, ориентация на апроприационизм. Делается вывод, что аналитическая философия не была причиной кризиса в истории философии, но послужила катализатором для поисков нового модуса ее существования.

Ключевые слова: аналитическая история философии, аналитическая философия, У. Селларс, М. Мандельбаум, Ф. Ницше, история философии

Для цитирования: Вольф, М.Н. «Аналитическая история философии: как прошлое философии становится ее будущим». *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 305–336.

Поступила в редакцию: 07.07.24

Принята к публикации: 26.07.24

Analytic History of Philosophy: How Philosophy's Past Becomes Its Future

Marina N. Volf

Institute of Philosophy and Law SB RAS
630090, 8 Nikolaeva st., Novosibirsk, Russia
rina.volf@gmail.com

Abstract. The paper examines the historical context of the formation of a new mode of the history of philosophy – the analytic history of philosophy – as well as a number of cases and discussions that determined the idiosyncrasy of this approach, namely, the general account of the contribution of Wilfrid Sellars to the revival of the studies in history of philosophy from within the analytic tradition, as well as Maurice Mandelbaum's reflections on the specifics of the method of history of philosophy that make it different from the methods of the other humanities, which in fact were a response to the challenges of analytic philosophy made from within an opposing tradition. In addition, an overview of the thoughts of Friedrich Nietzsche is offered, who, long before the crisis of historicism in analytic philosophy, raised some objections to historical knowledge in a manner similar to that of analytic philosophers. The search for a new mode of the history of philosophy in the face of challenges of the analytical tradition, which put into question autonomy of the history of philosophy, ended with the organic inclusion of analytic and scientific tools into the methods of history of philosophy as follows: critical reading of texts and concepts, careful attention to argumentation and logical links in philosophical doctrines, rejection of historicism and antiquarianism, orientation towards appropriationism. It is concluded that analytic philosophy was not

the cause of the crisis in the history of philosophy, but served as a catalyst for the search for a new mode of its existence.

Keywords: analytic history of philosophy, analytic philosophy, W. Sellars, M. Mandelbaum, F. Nietzsche, history of philosophy

For citation: Volf, Marina N. “Analytic History of Philosophy: How Philosophy’s Past Becomes Its Future.” *History of Philosophy Yearbook / Is-toriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 305–336. (In Russian)

Received: 07.07.24

Accepted: 26.07.24

Мысль о том, что история философии может быть написана по-разному, сегодня звучит крайне банально. Каждая эпоха предлагает свой вариант видения причин и механизмов динамики интеллектуальной культуры. Необязательно уходить в глубь веков, чтобы это проиллюстрировать; достаточно вспомнить о гегельянской или неокантианской истории философии, которые фактически сформировали облик современного ее прочтения, придав ей телеологический или проблемный характер соответственно. Также неудивительно, что новые поколения философов, ориентируясь на актуальный для них интеллектуальный контекст, ищут новые формы интерпретации прошлого, которые обеспечили бы им комфортные отношения с этим прошлым, либо признавая его величие, либо вступая с ним в диалог, либо подвергая его беспощадной критике. Вместе с тем хорошо известны примеры догматизации историко-философских подходов, когда тот или иной подход к интерпретации мысли прошлого считается если не единственным, то единственно верным. Значение аналитической философии для интеллектуального фона первой половины XX в. существенно сказалось на роли и месте в нём истории философии как самостоятельной дисциплины вплоть до отрицания ее автономии от философии и ее значимости для философского знания в целом. По мере роста влияния аналитической философии в американских университетах история философии начинает борьбу за свое существование и возникают новые модусы истории философии, подходы которых корректируются с учетом претензий сциентистов

и аналитиков к историческому знанию. Наиболее известны из них история идей, история понятий, интеллектуальная история. Появляется ряд историко-философских исследований, написанных самими аналитическими философами в а- или даже антиисторическом ключе, к которым у сторонников исторического направления также есть немало претензий.

Однако уже к 60-м гг. XX в. сами аналитики начинают водить мосты с контекстуалистской историей философии¹, пытаясь нащупать компромиссный вариант истории философии. Одной из форм представления прошлого философии, отталкивающейся от положений, выработанных в тех дискуссиях, является относительно новая для отечественного интеллектуального пространства, более ориентированного на *доксографический* жанр², «аналитическая история философии». Мы нередко сталкиваемся с тем, что в силу терминологических пересечений ее трактуют как историю философии, написанную изнутри традиции аналитической философии аналитическими философами и/или о них. Отчасти это справедливо, отчасти – нет. Она действительно является наследницей рациональной реконструкции, к которой склонялось большинство аналитиков, однако более четко отражал бы ее специфику термин «апроприационистская история философии». Впрочем, в силу понятной его неблагозвучности на русском языке мы стараемся использовать его только в поясняющих целях.

Ниже мы рассмотрим, в какой части это направление приемыкает к тем способам написания истории философии, которые применялись аналитиками, однако в большей мере свою задачу мы видим в том, чтобы с позиций историографии истории философии разобрать те моменты в интеллектуальной истории, которые послужили своеобразными катализаторами для оформления того способа написания истории философии,

¹ Подробнее о дискуссиях тех лет см.: И.В. Берестов, М.Н. Вольф и О.А. Доманов, *Аналитическая история философии: методы и исследования* (Новосибирск: Офсет ТМ, 2019), 13–26, 47–69.

² О доксографическом жанре написания истории философии см.: Ричард Рорти, «Историография философии: четыре жанра», в *Неопрагматизм Ричарда Рорти*, И. Джохадзе (М.: УРСС, 2001), 190–194.

который мы называем аналитическим прежде всего в силу того, что в нём значительное внимание уделяется анализу аргументов, в том числе интертекстуальных (выдвинутых как философами, так и их интерпретаторами), их весомости и состоятельности, а также обоснованности и консистентности тех или иных положений внутри философских дискуссий.

Слово «аналитический» в названии обсуждаемого историко-философского модуса намекает, что аналитическая философия сыграла определенную роль в его становлении. Аналитическая философия – или, точнее для данного контекста, англо-американская философия – в ее противопоставлении континентальной, безусловно, оставила свой отпечаток на интеллектуальной культуре XX в. и создала определенные условия для появления новых способов историко-философской работы. Однако за более чем сто лет существования аналитической философии она сама многократно и существенно видоизменялась, и те черты, которые можно было приписать ей еще в первой половине прошлого века как специфические именно для нее, сегодня стали общим местом критического и научного подхода, равно как наблюдается и обратная тенденция – те особенности, которые были присущи аналитической философии в целом, как, например, антиметафизические настроения или акцент на философии языка, сегодня сохранили значимость только в некоторых частных ее областях.

Из предложенного аналитической философией инструментария аналитическая история философии приняла для себя стремление к ясности, строгости и точности формулировок, высокий уровень требований к аргументации, критическое отношение к текстам и концепциям, канонам и идеалам, приверженность к точным и даже естественно-научным методам. Встречаются историко-философские исследования, в которых влияние аналитической философии более очевидно, в которых превалируют формально-логические методы для обоснования исходных положений или для демонстрации вывода, однако такие работы единичны и занимают весьма нишевое положение во всем потоке историко-философских исследований³.

³ Примером таких работ могут выступать: Russell M. Dancy, *Plato's Theory of Forms* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004); Michael V. Wedin,

Подчеркнем, однако, что использование аналитического метода не является исключительным правом аналитических философов, и перечисленные выше элементы давно вышли за пределы домена аналитической философии и заняли значимое место в академической культуре письма в целом. Нередко мы встречаем смешение понятий англо-американской (позитивистской, эмпирицистской, реалистской и т.п.) философии и аналитического метода, подразумевающего анализ, систематизацию и валидизацию данных на основании установления некоторой внутренней логики философской доктрины. Наконец, нет знака равенства между аналитической историей философии и историей аналитической философии; последняя, разумеется, не имеет никаких ограничений по методу и может быть написана в любой парадигме – биографической, контекстуалистской, проблемной и пр.

Помимо позитивных измерений, транслированных историко-философскому исследованию аналитической философией, т.е. указаний на то, какой история философии *может* быть, мы можем отметить и негативные требования, выкристаллизовавшиеся в этой же традиции. Они накладывают ряд ограничений и устанавливают границы, за которые ни философия, ни ее история выходить не должны, и они в отношении методов истории философии даже более показательны и специфичны, нежели позитивные элементы.

Аналитическая философия избегает «непростительного антиквариаризма», тесно сопряженного с контекстуалистским подходом, который подразумевает, что ни философ, ни историк философии не будут переносить контекст создания той или иной философской концепции на современность, переходить на современную проблематику и современный язык для интерпретации идей прошлого. Кроме того, аналитическая философия была, образно выражаясь, поражена тяжелой «аналитической болезнью», а именно: она была ориентирована на крайнюю философичность и аисторичность, что в принципе делало затруднительным обращение к историческим образцам в качестве обоснования каких бы то ни было выводов и блокировало тем

самым написание *контекстуальной* истории философии. История понималась как копилка проб и ошибок на пути человечества к актуальным знаниям, и изучение таких заблуждений не представлялось конструктивной практикой. Мы полагаем, что лечение этой болезни было предложено прагматистами и неопрагматистами изнутри самой аналитической философии, т.е. в той среде, которая существовала в американских университетах⁴.

Примечательно, что философия в условиях распространения аналитической философии и сопутствующего ей сциентизма обрела научный и строго дискуссионный характер, так что к ее концепциям, как к теориям в любой научной дисциплины, стали жестко применяться критерии научности. Стоит специально отметить в этом ключе использованное в 70-е гг. Карлом Поппером определение философии как критической дискуссии, перерастающей в критическую традицию⁵. При этом Поппер настаивает⁶, что уже в первой философской школе можно зафиксировать появление критической дискуссии, причем не только между школами, но, что важно, и внутри одной

⁴ Мы прежде всего подразумеваем ранний прагматизм в лице Ф.К.С. Шиллера и его революционные интерпретации софистики, неопрагматизм в лице Ричарда Рорти, его экскурсы в методологию и историографию истории философии, глубокие историко-философские пассажи в различных работах, а также многолетнюю дискуссию с Хилари Патнэмом, и, наконец, работы неопрагматистов Джозефа Марголиса и Ричарда Бернстайна, которые содержат значительный пласт историко-философских пассажей в жанре рациональной реконструкции. Нет необходимости обсуждать здесь ни содержание этих работ и дискуссий, ни конкретные результаты этого «лечения» или их отсутствие – мнения здесь могут расходиться, но бесспорно то, что все эти процессы оказали значительное влияние на интеллектуальный фон в университетах и существенно смягчили отношение к истории философии.

⁵ Karl Popper, «Back to the Presocratics», in *Studies in Presocratic Philosophy*, vol. 1, *The Beginnings of Philosophy*, ed. David J. Furley and Reginald E. Allen (New York: Humanities Press, 1970), особ. 147–149.

⁶ Поппер отмечает, что является профаном в досократической философии, и в сборнике, где представлена его статья, он является единственным профессором логики и научного метода среди представителей классической филологии и античной философии, однако он убежден, что, будучи профаном, он способен дать *независимую* экспертизу аргументации (Popper, «Back to the Presocratics», 1:131).

школы. На отсутствие внутришкольной догмы указывает критика в отношении главы школы или зачинателя определенной традиции⁷. Здесь принципиально следует обратить внимание на признание множественности доктрин и выбор между ними, основанный не на личном авторитете их авторов, а на весомости и состоятельности выдвинутых ими аргументов. Следствием из предложенного К. Поппером определения оказывается то, что и история такой – критической, дискурсивной – философии, чтобы она вообще могла быть востребованной, также должна иметь критический характер, выявляя ошибки и заблуждения прошлого, исходя из достижений современной науки⁸.

Подводя итог сказанному, отметим, что аналитическая философия сыграла существенную роль в становлении аналитической, точнее, апроприационистской истории философии. В данном очерке мы не станем направлять свое внимание на конкретизацию каких-либо специфических черт аналитической истории философии или формулирование ее строгого определения, а предложим читателю рассмотреть тот исторический контекст и ряд кейсов и дискуссий, которые, на наш взгляд, и определили своеобразие этого подхода, сохранив историю философии в не способствующих выживанию *истории* вообще условиях аналитической философии.

Несвоевременные размышления Фридриха Ницше

Разные жанры истории философии тяготеют к двум полюсам: контекстуалистскому и апроприационистскому. Сторонники

⁷ Popper, «Back to the Presocratics», 1:147–149.

⁸ Именно в таком ключе написаны историко-философские работы, например, Б. Рассела, которые долгое время служили образцом соответствующего отношения к истории философии. См.: Bertrand Russell, *A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz: With an Appendix of Leading Passages* (Cambridge: Cambridge University Press, 1900); Bertrand Russell, *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day* (New York: Simon and Schuster; London: George Allen and Unwin, 1946).

первого настаивают на сохранении интерпретаций в пределах языка и исторических реалий, в которых создавался интерпретируемый текст или доктрина. Причем исключительное внимание уделяется ими оригиналам, фактам и достоверным историческим свидетельствам, зафиксированным в источниках. Для сторонников второго подхода интересен не столько язык, культурный или социальный фон текста и доктрины, сколько внутренняя логика содержания и выверенность аргументации; нередко интерес к доктринам определяется той мерой, в какой те могут быть встроены в собственные рассуждения апроприрующих их философов или стать основанием, обоснованием или частью каких-либо актуальных дискуссий, а возможность допустить анахронизмы или искажения при таких интерпретациях не является проблемой. Истории философии, написанные аналитическими философами, как правило, можно отнести к апроприационистскому крылу, и они соответствуют установке, что нет различия между философией и ее историей, а следовательно, и нет необходимости выделять историю философии в отдельную дисциплину. История философии пишется как философия⁹. Апроприационистская тенденция характерна и для аналитической истории философии. При этом сторонники апроприационизма выражают неприятие крайней формы контекстуализма – антиквариаризма, для которого прошлое самоценно и не нуждается в трансляции на современные контексты и языки, во встраивании в современные дискуссии, а сам антиквариаризм не ориентирован на решение и понимание современных проблем, будучи полностью сосредоточенным на изучении проблем прошлого.

Резко критикуемый аналитиками антиквариаризм действительно несоизмерим с историческим характером аналитиче-

⁹ Примеры такой апроприационистской истории философии как собственно философии, а именно работы Питера Ф. Стросона или Майкла Фридмана о Канте, вызвавшие немало дискуссий, но при этом весьма влиятельные в аналитических интерпретациях Канта, подробно разбираются в статье: Gary Hatfield, «The History of Philosophy as Philosophy», in *Analytic Philosophy and History of Philosophy*, ed. Tom Sorell and G.A.J. Rogers (Oxford: Clarendon Press, 2005).

ской философии. Однако считать, как это тоже часто бывает, что первая концептуализация этого подхода принадлежит аналитикам, не корректно: антиквариаризм уходит корнями в методы немецкой классической филологии, и мало кто помнит, что само это понятие впервые было введено в контекст дискуссий о том, как изучать прошлое, и подверглось атаке в манере, мало отличимой от современных нападков аналитиков, Фридрихом Ницше.

Кому-то содержание нижеследующего раздела, посвященного Ницше, может показаться неуместным в контексте заявленных целей настоящей статьи. Но это ощущение может возникнуть, только если смешивать аналитическую историю философии с аналитической традицией. Мы же хотим подчеркнуть, что поиски нового модуса написания истории философии в современности стали актуализироваться задолго до тех вызовов, которые предъявила *истории* как дисциплине аналитическая философия, и по большому счету они скорее обусловлены революцией Канта и осознанием значимости критического подхода для всех сфер интеллектуального пространства, нежели просто локальным протестом Ницше против подходов к изучению текстов в немецкой классической филологии. То, что мы увидим в нижеследующих пассажах Ницше, не просто «удивительно похоже» на некоторые положения, встречающиеся в аналитической философии; это хорошо осмысленный проект критической философии и ее истории, который получает дальнейшее развитие сегодня (ср. приведенный выше частный пример рассуждений К. Поппера).

Ницше крайне метко характеризует свои размышления о том, как философам следует относиться к прошлому и истории и каким может стать будущее истории и философии, несвоевременными, почти на сто лет предвосхищая дискуссии в аналитической среде о том, как писать историю философии¹⁰ и заслуживает ли она автономии. Примечательно, что сам он выступает отнюдь не на стороне контекстуалистских и антикварных интерпретаций.

¹⁰ Инициированные и развиваемые аналитиками дискуссии о том, как писать историю философии, и соответствующую библиографию см. в: Берестов, Вольф и Доманов, *Аналитическая история философии*, 13–26, 47–78.

В этом смысле следует обратить внимание на две работы Ницше: «Несвоевременные размышления» (1873) и «По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего» (1886)¹¹. В первой работе Ницше обсуждает отношение к прошлому и способы его изучения, во второй, написанной спустя более чем 10 лет, размышляет о том, каким ему видится будущее философии; при этом обе эти работы выражают сложное, но в целом сочувствующее отношение к критической философии. Во второй части «Несвоевременных размышлений» Ницше вводит понятие тройственности родов истории, различая монументальный, антикварный и критический ее род¹². Монументальную историю мы могли бы сравнить с тем, что сегодня называется канонам – это то великое и вечное, что «сквозь тысячелетия объединяет собою человечество»¹³. Вечность и величие канона, его «иконическая истинность», вера людей в него как в нечто непреложное и непреходящее позволяет человечеству пережить осознание своей смертности и ничтожности. Однако установление тотальной истинности канона всегда будет сопровождаться насилием, без которого привести разнородные элементы к одной общей форме невозможно. Ницше отмечает, что монументальная форма отношения к прошлому ведет к утрате самого этого прошлого: «целые значительные отделы прошлого предаются забвению и пренебрежению»¹⁴. Монументальная история существует не ради прошлого и не ради будущего, а только ради великих свершений. Подобным образом история превращается в идеологию. Очевидно сходство монументальной истории с аналитическими установками, в рамках которых

¹¹ Фридрих Ницше, «Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни», пер. Я. Бермана, А. и Е. Герцык, в *Полное собрание сочинений: В 13 томах*, т. 1/2, *Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг.*, под ред. И.А. Эбаноидзе (М.: Культурная революция, 2013); Фридрих Ницше, «По ту сторону добра и зла», пер. Н. Полилова, в *Полное собрание сочинений: В 13 томах*, т. 5, *По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер»*, под ред. Н.В. Мотрошиловой, И.А. Эбаноидзе (М.: Культурная революция, 2012).

¹² Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:97.

¹³ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:98.

¹⁴ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:101.

не только отдельные разделы прошлого, но в принципе всё прошлое в целом получает несколько пренебрежительную оценку.

Второй род истории, антикварный,

охраняет и почитает прошлое <...> [з]аботливой рукой оберегая издавна существующее¹⁵.

Давно забытые смыслы и стершиеся следы антикварный подход принимает за наши собственные; он собирает прошлое по крупицам, поскольку для него есть

счастье сознавать себя не <...> случайным и произвольным, но наследием <...>.

При этом антиквариаризм не приписывает прошлому какой-либо эпистемической значимости:

разумеется, это не то состояние, в котором человек наиболее способен переработать прошлое в чистое знание.

Для так понятого прошлого нет

подходящего масштаба, <...> нет никаких ценностных различий и пропорций¹⁶,

в нём все одинаково ценно и одинаково важно, поскольку критерием является прошлое само по себе, и приверженцы этого подхода с антикварным интересом оглядываются только назад, не имея никакой заинтересованности в будущем. Антиквариаризм способен «только *сохранять* жизнь, а не порождать ее»¹⁷.

Третий способ изучения прошлого, по мнению Ницше, единственно может служить жизни, создавать будущее:

Человек должен обладать и время от времени пользоваться силой разбивать и разрушать прошлое, чтобы иметь возможность жить дальше; этой цели достигает он тем, что привлекает

¹⁵ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:104.

¹⁶ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:106.

¹⁷ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:107.

прошлое на суд истории, подвергает последнее самому тщательному допросу и, наконец, выносит ему приговор¹⁸.

Если мы, по мнению Ницше, являемся в какой-то мере продуктом прошлого, то мы являемся и продуктом его негативной стороны –

заблуждений, страстей и ошибок и даже преступлений <...>¹⁹.

Осознавая и осуждая эти ошибки, мы не устраним конфликт между прошлым и будущим, но можем, давая критическую оценку заблуждениям прошлого, выработать в себе новые привычки и новую натуру, а вместе с ними

создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить, в противоположность тому, от которого мы действительно происходим²⁰.

Эти рассуждения Ницше звучат несколько даже по-расселовски гиперкритично, и вердикт, выносимый им истории, – или, вернее сказать, декларативная установка, предшествующая всему рассуждению, – читается в радикальном аналитическом тоне:

История, поскольку она сама состоит на службе у жизни, подчинена неисторической власти и потому не может и не должна стать, ввиду такого своего подчиненного положения, чистой наукой вроде, например, математики²¹.

Очевидно, что после прочтения этого пассажа изнутри сциентистского или эпистемического контекста остается один шаг до отказа от необходимости исторического знания, который и был в свое время сделан аналитической философией.

Если в «Несвоевременных размышлениях» Ницше считает критический подход к прошлому наиболее осмысленным и продуктивным для продвижения вперед в познании жизни и мира, в том, чтобы выступить созидательной силой для будущего, то

¹⁸ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:108.

¹⁹ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:109.

²⁰ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:109.

²¹ Ницше, «Несвоевременные размышления», 1/2:97.

спустя около 10 лет в работе «По ту сторону добра и зла» он оценивает этот подход уже не так оптимистично. Здесь важно отметить два момента, которые оказываются существенными для дальнейшего развития аналитической истории философии. Во-первых, для Ницше критика наследует скептицизму – прежде всего картезианского толка²² (надо сказать, «скептик» очень часто фигурирует в современных текстах, восходящих к аналитической традиции, в качестве умозрительного оппонента, задавая дискуссионную форму рассуждения в отсутствие реальных содискурсантов); кроме того, Ницше однозначно сопрягает критический подход с кантианской философией.

Сохраняя прежнюю риторику исключительной значимости созидания будущего для человечества, и в частности философии, – мы это прочитываем уже в названии работы, – Ницше по-прежнему подчеркивает, что для критической философии характерна необычайная страсть к познанию. Он весьма точно отразил суть этой философии: помимо страсти к познанию, это

уверенность в оценке, сознательное соблюдение единства метода, изощренное мужество, самостоятельность и способность отвечать за себя,

кроме того, это эксперименты в новом, более широком и более опасном смысле слова, отважные и мучительные опыты, на которые критиков толкает жажда познания²³. Мы видим, насколько сильно этот пассаж пронизан ценностями научного и эмпирического метода. Однако Ницше убежден, что философы будущего, даже требуя от себя

критической дисциплины и приучивания ко всему тому, что ведет к чистоте и строгости в духовной области²⁴,

т.е. тех качеств, которые история приписывает и самому Канту, который заставил европейских интеллектуалов восхищаться критическим методом, тем не менее откажутся от критической философии. Даже если определение философии как

²² Ницше, «По ту сторону добра и зла», 5:130.

²³ Ницше, «По ту сторону добра и зла», 5:133.

²⁴ Ницше, «По ту сторону добра и зла», 5:134.

критики и критической науки <...> пользуется одобрением всех позитивистов Франции и Германии (и <...> польстил[о] бы даже сердцу и вкусу *Канта* <...>)²⁵,

оно при этом не является приемлемым и не отражает суть философии, поскольку это всего лишь метод, орудие философа, но не собственно философия.

В этой точке видение философии у Ницше и аналитиков расходится. Аналитическую философию не смущает, что она не созидательна для жизни и принципиально аисторична: ее суть как раз и заключается в действенном методе познания, установления истинности, валидации фактов. Приведенное выше попперовское определение философии подчеркивает, что философия не только не утратила своей критической составляющей и может существовать как метод, но и в состоянии создать собственную традицию, несмотря на то, что традиция обычно не мыслится вне истории и сохраняет опыт прошлых поколений.

Аналитическая аисторичность и история философии Уилфрида Селларса

Если термины «контекстуализм» и «апроприационизм» достаточно нейтрально отражают отношение их приверженцев к прошлому, то нередко встречающиеся в историографии последних лет более эмоционально окрашенные «историодидея» и «историофобия» демонстрируют жесткую конфронтацию между сторонниками этих направлений. Можно сказать, что аналитическая историофобия началась с К. Поппера, который с резкой критикой обрушился на историцизм в книге «Ницета историцизма»²⁶. Она послужила одним из ключевых факторов для признания аналитической философии анти- и аисторическим предприятием.

²⁵ Ницше, «По ту сторону добра и зла», 5:134.

²⁶ Карл Поппер, *Ницета историцизма*, пер. С.А. Кудриной (М.: Издательская группа «Прогресс», VIA, 1993), 187.

Поппер понимает под историцизмом установку на то, что история подчиняется определенным законам, которые не зависят от человека, и является процессом, реализующимся по определенному пути к определенной цели. По его мнению, эта установка нежизнеспособна, поскольку все попытки представить мир, который является совокупностью разнообразных и разноплановых явлений как нечто целое и зависимое, оказываются просто «холическим недоразумением»²⁷. Кажется, критика Поппера не распространяется на контекстуализм и даже на его крайнюю форму – антиквариаризм; скорее, он атакует, если говорить в терминах Ницше, монументальную историю. Однако в конечном счете его позиция была проинтерпретирована как историофобская и антиисторическая.

Впрочем, на наш взгляд, есть определенная разница между а- и антиисторизмом. Антиисторический подход предполагал бы, что аналитики вообще отрицают историческое знание, не приемлют исторических методов и подходов, что, конечно же, не так. Скорее, они сомневаются в историцистских установках достижения абсолютной достоверности в знании прошлого, в научности такого знания, в котором убеждены последователи антиквариаризма. Аисторизм мягче по своим установкам и предполагает, что в знании прошлого вполне можно обойтись без следования главному требованию антикварной истории – понять, «как оно было на самом деле», поскольку его основная задача заключается в установлении диалога между прошлым и настоящим за счет элиминирования контекстов, неявных смыслов и т.п., так чтобы оставить в результате только саму чистую мысль автора, логику и аргументацию ее выражения, независимо от того, кем, когда, в каких социальных или исторических условиях она была сформулирована. Именно поэтому аналитическая философия может позволить себе весьма вольно обходиться с историей, обходя своим вниманием концепции, нереспектабельные с точки зрения аналитической перспективы²⁸, однако вполне значимые

²⁷ Поппер, *Ниццета историцизма*, 131–132.

²⁸ Том Рокмор, «Заметки об истории философии и ее отношении к философскому “духу времени” (Zeitgeist)», в *История философии: вызовы XXI века*, отв. ред. Н.В. Мотрошилова (М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014), 74–75.

с точки зрения создания вневременных общезначимых проблем и истин.

Поворотом в сторону историоидеи и признания автономии и состоятельности истории философии аналитическая философия обязана Уилфриду Селларсу²⁹. Селларс обратился к истории философии в ситуации почти тотальной историофобии, которая стала специфической чертой аналитической традиции и сопровождалась отказом преподавать историю философии в американских университетах и признавать ее необходимой дисциплиной для получения докторской степени. Однако ему история философии виделась ключевым условием для существования философии. В предисловии к одной из своих книг Селларс отмечает, сохраняя аналитические установки:

Философия – это непрерывный диалог с современниками, живыми или умершими <...>,

однако добавляет, что если нет понимания философских позиций прошлого, то вместо диалога возникает конфронтация³⁰. Селларс подчеркивает, что выбором тем, выработкой своих взглядов, форме своих рассуждений он обязан преподаванию

²⁹ После того, как аналитическая философия столкнулась с необходимостью написания своей собственной истории, ее интерес к истории философии многократно возрос, и на этой волне стали появляться многочисленные работы, как провокационные (Aaron Preston, *Analytic Philosophy: The History of an Illusion* (London: Continuum, 2007)), так и вполне адекватно оценивающие вклад аналитиков в историю и историографию философии. Одной из таких работ является книга: Luca Corti and Antonio M. Nunziante, eds., *Sellars and the History of Modern Philosophy* (New York: Routledge, 2018), целиком посвященная Уилфриду Селларсу и его роли в возрождении истории философии в аналитической традиции. Читателя, который хотел бы более детально оценить вклад Селларса в историко-философские исследования, мы адресуем к вводной статье этой книги: Luca Corti and Antonio M. Nunziante, «Introduction: The *lingua franca* of Thought: Wilfrid Sellars and the History of Philosophy», in *Sellars and the History of Modern Philosophy*, eds. Luca Corti and Antonio M. Nunziante (New York: Routledge, 2018), 1–12.

³⁰ Wilfrid Sellars, *Essays in Philosophy and Its History* (Dordrecht: Springer, 1974), vii.

и исследованию истории философии³¹. Самым знаменитым его изречением, которое процитировал, вероятно, каждый, кто так или иначе о нём писал, стала следующая фраза:

История философии – это *lingua franca*, дающая возможность философам – или, по крайней мере, различным точкам зрения – общаться друг с другом. Философия без истории философии если и не бессодержательна или слепа, то как минимум нема³².

Понимая, что в этой своей приверженности истории философии он стоит особняком от американского аналитического бомонда, он тем не менее занимал принципиальную позицию:

За сочетание исторических и систематических исследований я не буду извиняться³³.

Упорство Селларса в отношении истории философии в конечном счете сыграло важную роль в переоценке ее значимости для аналитической философии. Цитировавшийся выше сборник работ Селларса «Труды по философии и ее истории»³⁴ был воспринят его коллегами по цеху как провокация, настолько нехарактерными для аналитической философии были эти исследования, а спустя 10 лет эта книга стала своего рода мандатом для прочих аналитиков на открытое и зачастую сочувственное обсуждение «прошлого философии»³⁵. Сегодня опыты написания истории самой аналитической философии с необходимостью вынуждают погружать ее в исторический контекст, формировать философский канон уже самой аналитической философии и всё чаще обращаться к позициям тех аналитических

³¹ Sellars, *Essays in Philosophy*, vii.

³² Цит. по: Гаррис Рогонян, «Предисловие переводчика», в *Эмпиризм и философия сознания*, Уилфрид Селларс, пер. Г.С. Рогоняна (СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021), 11.

³³ Sellars, *Essays in Philosophy*, vii.

³⁴ Sellars, *Essays in Philosophy*, 475.

³⁵ Ср.: Richard Rorty, Jerome B. Schneewind and Quentin Skinner, eds., *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984), xii, 493; A.J. Holland, ed. *Philosophy, Its History and Historiography* (Dordrecht: Springer, 1985), x, 337.

философов, которые так или иначе не гнушались иметь дело с историей философии (Стросон, Макинтайр, Рорти и пр.).

Именно Селларс ясно сформулировал задачу, которая является ключевой для аналитической истории философии:

Давно пора было исследовать исторические идеи современными концептуальными инструментами – задача, которую должно решать каждое поколение³⁶.

В этой фразе содержится ключ к пониманию задачи аналитической истории философии: использование концептуальных средств современной философии (и не только аналитической) не просто позволяет выстроить диалог с философией прошлого, но и является своеобразным ситом, которое пропускает в настоящее только хорошо обоснованные, глубоко аргументированные доктрины, которые находятся в критической дискуссии с какими-то другими точками зрения. Сам Селларс не только использовал концептуальные средства аналитической философии для исследований прошлого, но и сумел наладить диалог между аналитической философией и историей философии, соотнес ряд центральных положений аналитической философии с классическими проблемами. Его собственные историко-философские интерпретации не всегда оставались в рамках диалога, нередко переходя в резкие дискуссии и конфронтации, в которых он обрушивался с жесткой критикой на философов прошлого, однако свои собственные философские концепции он постоянно соизмерял с представлениями Платона, Аристотеля, философов раннего Нового времени, Канта, выступая тем самым приверженцем апроприационизма.

Значительна роль Селларса для «возвращения» Канта в аналитическую философию, в результате которого вновь произошло объединение критики и аналитики, и хотя его интерпретация не во всем устраивала классических историков кантовской философии, благодаря его исследованиям сложилось устойчивое

³⁶ Wilfrid Sellars, «Autobiographical Reflections», in *Action, Knowledge and Reality*, ed. Hector Neri Castañeda (Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1975), 290.

представление о том, что аналитическая философия берет свое начало в кантианстве³⁷.

Не только самого Селларса можно отнести к аналитическим историкам философии. Его подходом и отношением к прошлому философии были инспирированы и некоторые работы, которые считаются современной классикой истории философии и представляют собой эталон аналитической истории философии. Прежде всего нужно вспомнить антиковедческую работу

³⁷ См. разделы, посвященные философии Канта, в: Sellars, *Essays in Philosophy*, а также отдельные издания и работы: Wilfrid Sellars, *Science and Metaphysics: Variation on Kantian Themes* (London: Routledge & Kegan Paul Ltd; New York: The Humanities Press, 1968); Pedro Amaral, ed., *Kant and Pre-Kantian Themes: Lectures by Wilfrid Sellars* (Atascadero: Ridgeview Publishing Co., 2002); Fabio Gironi, «A Kantian Disagreement Between Father and Son: Roy Wood Sellars and Wilfrid Sellars on the Categories», *Journal of the History of Philosophy* 55, no. 3 (2017). Об исторических основаниях аналитической философии, прежде всего в философии Канта, см.: Robert Hanna, *Kant and Foundations of Analytic Philosophy* (Oxford: Clarendon Press, 2001).

Кто-то может возразить, что роль Селларса здесь незначительна и куда большую роль в возрождении интереса к Канту играет Питер Стросон. С таким возражением согласиться можно только отчасти. Работа Стросона (Peter F. Strawson, *Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason* (London: Methuen, 1966)) не столько посвящена критическим взглядам Канта, сколько является площадкой для презентации собственных взглядов Стросона, которому важно было противопоставить метафизику Канта (причем метафизику в том негативном значении, которое ей тогда придавала аналитическая философия) более выигранным способам решения философских проблем, предложенным философией в середине XX в. Хороший обзор, демонстрирующий малую ценность «Границ значения» Стросона для историографии истории философии как интерпретации кантовского учения, см. в: Gary Hatfield, «The History of Philosophy as Philosophy», in *Analytic Philosophy and History of Philosophy*, ed. Tom Sorell and G.A.J. Rogers (Oxford: Clarendon Press, 2005), 89–128. В то же время исследования Селларса о Канте хотя и не получили такого значительного резонанса непосредственно в академическом поле, тем не менее сыграли значимую опосредованную роль в переоткрытии Канта, породив серьезную волну интереса к пересмотру вопроса об априорном знании и прежде всего возможности синтетических априори. Подчеркнем, что сам реализм Селларса получает наименование «натурализованного кантианства» или «кантианского концептуализма». О роли Селларса для постановки и решения наиболее обсуждаемой в современном аналитическом кантианстве

ученика Селларса, Александра Мурелатоса, посвященную Пармениду³⁸. В предисловии к переработанному изданию своей книги Мурелатос рассказывает, как родился замысел этого исследования, и изрядное количество страниц посвящает своим воспоминаниям о Селларсе³⁹. Мурелатос вспоминает, что он пришел к Селларсу, вдохновленный его исследованиями в области аналитической философии, писать диссертацию по логике трансцендентальных аргументов. Однако вскоре в силу некоторых развернувшихся дискуссий Селларс предложил Мурелатосу резко изменить тему и написать вместо этого диссертацию о Пармениде. Мурелатос подчеркивает, насколько он был поражен, услышав невероятное предложение переключиться на историческую тему от «своего героя аналитической философии»⁴⁰. Неудивительно после этого, что в основу интерпретации Мурелатосом «пути Парменида» легло не только «анахронистическое» сравнение несоизмеримых философий Канта и Парменида⁴¹, но и «научный реализм» самого Селларса, его концепции «научного» и «явного образа», соотнесенные Мурелатосом с «Истинной» и «Доксой» Парменида соответственно⁴². Мурелатос отмечает, что свою работу он посвятил памяти Уилфрида Селларса, своего учителя и наставника, в том числе и в силу

проблемы релятивизации априори см., например, Gironi Fabio, «What Has Kant ever Done for Us? Speculative Realism and Dynamic Kantianism», in Sarah De Sanctis and Anna Longo, eds., *Breaking the Spell. Contemporary Realism under Discussion* (Fano: Mimesis International), 89–113 (русский перевод статьи: Фабио Джирони, «Что для нас сделал Кант? Спекулятивный реализм и динамическое кантианство», пер. О.А. Лунева-Коробского, *Respublica Literaria* 5, № 2 (2024); раздел о Селларсе: 139–144).

³⁸ Alexander P.D. Mourelatos, *The Route of Parmenides. Revised and Expanded Edition* (Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008).

³⁹ Alexander P.D. Mourelatos, «Returning to Elea: Preface and Afterword to The Revised and Expanded Edition», in *The Route of Parmenides. Revised and Expanded Edition* (Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008), xi–l.

⁴⁰ Mourelatos, «Returning to Elea», xiv.

⁴¹ Mourelatos, «Returning to Elea», xlii–xliii.

⁴² Mourelatos, «Returning to Elea», xliv–xlix.

удивительно глубокого и значительного сходства между мыслью Селларса и мыслью Парменида⁴³.

Примечательно, что работа Мурелатоса оказала значительное влияние на парменидовские штудии, фактически произведя революцию в досократических исследованиях и положив начало новой, «стандартной интерпретации Парменида», которая, в свою очередь, легла в основу других, не менее революционных и оригинальных трудов, написанных в парадигме аналитической истории философии⁴⁴.

От истории идей к аналитической истории философии

Вполне ожидаемо, что в условиях не просто игнорирования истории философии, но ее отрицания истории философии также стали задумываться о роли и месте своей дисциплины в новой реальности и были вынуждены поднять брошенную аналитиками перчатку. Несмотря на то, что они исходили из иных, нежели аналитики, оснований, итогом их исканий также стала версия аналитической истории философии, отталкивающаяся от критического или научного реализма⁴⁵. Речь в первую

⁴³ Mourelatos, «Returning to Elea», xlix.

⁴⁴ См. Patricia Curd, *The Legacy of Parmenides. Eleatic Monism and Later Presocratic Thought* (Las Vegas: Parmenides Publishing, 2004); Wedin, *Parmenides' Grand Deduction*.

В отношении работы Патриши Кёрд отметим любопытный факт, который снова возвращает нас к вопросу о критической дискуссии в античных школах и обоснованности и аргументированности интерпретаций: Кёрд исходит из положения, что никто из античных атомистов не предложил аргументов в пользу или в защиту существования атомов, и тем самым следует предположить, что либо атомы введены в античные философские доктрины и дискуссии необоснованно, что сомнительно, либо это обоснование нужно искать в более ранних доктринах. Руководствуясь этим соображением, она находит такое обоснование у Парменида – шаг, который был бы невозможен, исходя из контекстуалистских, а не критических требований к истории философии.

⁴⁵ Christopher Lloyd, «Realism and Structurism in Historical Theory: A Discussion of the Thought of Maurice Mandelbaum», *History and Theory* 28, no. 3 (1989);

очередь идет о работах Мориса Манделбаума и других историков философии – сторонников методологии истории идей и истории понятий в 40–70-е гг.⁴⁶ М. Манделбаума, известного американского историка философии, можно считать инициатором аналитической дискуссии об историографии истории философии⁴⁷. Рассуждая о ходе истории и его причинах, Манделбаум полагает, что первоочередным в вопросах истории философии и истории истории философии (для последней он вводит термин историографии истории философии) является вопрос о методе. История философии привычно использует методы исторических и филологических наук, но в рамках вопроса о ее автономии ожидаемо встает вопрос о возможности собственного специфического оригинального историко-философского метода. В какой-то мере на открытие такого метода претендовали сторонники истории идей: в первую очередь Артур Онкен Лавджой⁴⁸.

В целом задача истории и истории философии понятна – получить достоверную реконструкцию событий или взглядов прошлого, монистическую или холистическую картину, которая при этом исключала бы множественные противоречивые оценки. Стремление к непротиворечивости и единственному или наилучшему объяснению совпадает с целями аналитиков. Однако реализовать такую цель на деле практически невозможно, поскольку то, что мы называем историческими фактами, не может быть подтверждено опытным или экспериментальным путем. Кроме того, сами исторические факты в значительной

Ian F. Verstegen, *Maurice Mandelbaum and American Critical Realism* (London, New York: Routledge, 2010). В последней работе дан обзор критического реализма в непривычной для него форме, предложенной М. Манделбаумом: в контексте социальных наук и практик, социального объяснения и натурализма.

⁴⁶ Более подробно о становлении/оформлении аналитической истории философии в версии М. Манделбаума, развивающего концепцию А.О. Лавджоя, см. в: Берестов, Вольф и Доманов, *Аналитическая история философии*, 26–78.

⁴⁷ L.W. Beck, N.E. Bowie and T. Duggan, «Maurice H. Mandelbaum 1908–1987», *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 60, no. 5 (1987): 858–861.

⁴⁸ Русскому читателю подход А.О. Лавджоя знаком по изданию: Артур Лавджой, *Великая цепь бытия: История идеи*, пер. В. Софронова-Антомони (М.: Дом интеллектуальной книги, 2001).

мере обусловлены интерпретациями, в том числе зависимыми от личности интерпретатора, точками зрения, которые интерпретаторы принимают, аргументируя свои положения, базовыми идеологиями и т.д. Ясно, что для аналитиков, занятых поиском универсальных законов и единственного объяснения, подобные особенности исторического знания ставят под вопрос его состоятельность. Мандельбаум видит единственный способ спасти историю от аналитических нападков в согласовании представления о неизбежности плюралистических интерпретаций с тезисом о возможности создания объективного историко-философского метода.

За основу М. Мандельбаум берет теоретические положения О.А. Лавджоя, которые основывались на критическом реализме, что позволяло ему говорить о своей концепции как о базирующейся на опытных основаниях. Познание имеет дело либо с наличным опытом, либо с внетемпоральными установками. Историк, обращенный в прошлое, всегда имеет дело с опосредованным знанием, т.к. непосредственное обращение к прошлому, прямой контакт с ним невозможен. Однако есть некоторые когнитивные элементы, которые могут принадлежать одновременно и прошлому, и настоящему: это идеи. Всё, что мы можем знать о прошлом, мы знаем только через посредство идей⁴⁹. Если исходить из требования, что знанием может быть только то, с чем познающий ум имеет непосредственный контакт, то строгого исторического знания не существует, однако репрезентативная функция идей позволяет знать прошлое без непосредственного контакта с ним⁵⁰.

Чтобы усовершенствовать методы истории идей так, чтобы они в полной мере снимали претензии аналитиков, Мандельбауму пришлось критически оценить подходы сразу нескольких философских доктрин. Оставаясь вслед за Лавджоем приверженцем критического реализма, он вынужден был сформулировать аргументы против рационализма, феноменологии, логического

⁴⁹ Maurice Mandelbaum, «Arthur O. Lovejoy and the Theory of Historiography», *Journal of the History of Ideas* 9, no. 4 (1948): 412.

⁵⁰ О «репрезентативной теории идей» см.: Mandelbaum, «Arthur O. Lovejoy», 412–423.

эмпиризма, инструментализма и прагматизма, а также против свойственного сторонникам последнего релятивизма⁵¹. В поисках универсального историко-философского метода и Лавджой, и Мандельбаум снова показывают уже знакомую нам установку на эпистемическую ценность истории, которую мы отмечали в рассуждениях Ницше. Мандельбаум, однако, ищет метод или теорию, которые бы в полной мере отражали не только принципы познания мира, но и принципы организации общества и истории, которые были полностью списаны со счетов аналитиками. По мнению Мандельбаума, общество с его институтами в историческом познании должно оставаться в приоритете:

историк имеет дело с человеческими мыслями и действиями в их социальном контексте и с их социальными последствиями⁵².

При этом Мандельбаум убежден, что тот метод, который использовался Лавджоем и который лег в основу его собственных изысканий, по сути является аналитическим:

Многочисленные нити истории переплетаются и разделяются, образуя сложную паутину, чью природу необходимо проследить <...>. Аналитическая процедура критического историка – это метод, который позволяет выполнить эту задачу. И историк, который привносит в свою работу понимание человеческой природы, широкое знакомство с историческими феноменами и бескорыстную преданность делу знания, будет вознагражден не только знанием, но и более глубоким пониманием проблем настоящего, которое такое знание приносит с собой⁵³.

Требование диалога между прошлым и будущим, принципиальную устремленность знания о прошлом не только в настоящее, но и в будущее мы также уже встречали в рассуждениях Ницше, и для Мандельбаума этот момент становится весомой составляющей его метода. Таким же он был и для Лавджоя:

⁵¹ Берестов, Вольф и Доманов, *Аналитическая история философии*, 31–33.

⁵² Maurice Mandelbaum, «The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy», *History and Theory* 5, no. 5 (1965): 44.

⁵³ Mandelbaum, «Arthur O. Lovejoy», 423.

знание прошлого является предварительным условием разумного действия в отношении будущего <...>, поскольку <...> проблемы настоящего не могут быть решены без обращения к знанию, которое вытекает из точного, не навязанного нам понимания прошлого⁵⁴.

Ставя труды Лавджоя в основание поиска историко-философского метода, Мандельбаум называет Лавджоя аналитическим историком философии, и это, пожалуй, первая попытка говорить об аналитической истории философии и называть кого-то ее приверженцем. При этом ценность предложенной методологии в том, что она необычайно точна в установлении исторических параллелей:

привлекая внимание к возможным параллелям в использовании понятий различными мыслителями и показывая двусмысленности и путаницу, которые могут содержать некоторые из этих понятий, Лавджой дал интеллектуальному историку мощный набор аналитических инструментов и привел пример их использования <...>⁵⁵.

В конечном счете Мандельбаум не только значительно продвинулся на пути поиска оригинального историко-философского метода, но и совершенно четко уловил суть противостояния аналитических философов с их аисторичным отношением к прошлому и предпочтением присваивать проблемы прошлого, осовременивать их, изымая из свойственного им контекста, и сторонников контекстуалистских или антикварных подходов, которые в угоду сохранению контекста, языка, времени написания и стиля текста, поисков того, «как оно было на самом деле», забывают о философском содержании и о том, что текст прошлого сохранит свою значимость, только если будет оставаться актуальным для современности⁵⁶. При этом и те, и другие дистанцировались от живых проблем

⁵⁴ Mandelbaum, «Arthur O. Lovejoy», 421.

⁵⁵ Mandelbaum, «The History of Ideas», 41.

⁵⁶ Maurice Mandelbaum, «The History of Philosophy: Some Methodological Issues», *The Journal of Philosophy* 74, no. 10 (1977): 562–570.

повседневной жизни, от культурных установок, проблем, устремлений, чаяний и надежд отдельных своих современников. Тот модус аналитической истории философии, который был предложен сторонниками истории идей, позволил найти путь между двумя крайностями установок аналитиков и антиквариаристов и согласовать задачи сохранения интеллектуальных образов прошлого в их первоизданном виде или строгости в применении к ним научного метода и вовлеченности в решение живых актуальных задач настоящего, устремленного в будущее.

* * *

Заканчивая наш обзор, мы хотели бы обратить внимание читателя на тот факт, что континентальная история философии практически всегда занимала привилегированное положение в интеллектуальном поле Европы, существуя в как минимум лояльной к ней среде академий наук и университетов. Тот кризис, который произошел с ней в аналитической среде в первой половине XX в., был, пожалуй, наиболее острым за всё ее существование. Причем вопрос стоял не просто о смене модуса ее существования, что происходило с историей философии неоднократно, а об утрате ее автономии, об отказе ей в самостоятельном дисциплинарном статусе. Интеллектуальное сообщество, выстроенное вокруг аналитической философии, вдруг перестало нуждаться в том знании, которое история философии сохраняла и приумножала веками. Однако история философии показала свою жизнеспособность, смогла найти ответ на вызовы, сохранить свой самостоятельный дисциплинарный статус и адаптировать свои методы под непривычную и порой враждебную для нее среду точного и естественнонаучного знания, модели которого аналитическая философия стремилась перенести в область философских наук.

Было бы неправильным считать вызов, брошенный истории философии аналитиками, сформированным исключительно в среде аналитической философии в американских университетах. Кризис историцизма назревал давно, претензии к истории философии мы можем обнаружить уже, например, в заметках

Канта⁵⁷. Спустя сто лет после Канта в работах Ницше мы можем видеть, что претензии к историческому знанию уже приобрели четкую форму. Дальнейшее развитие позитивизма постепенно усугубило ситуацию, хотя казалось, что история философии процветает, подпитанная и хорошо удобренная неокантианской традицией. Наконец, попадание в полностью враждебную среду сциентистски ориентированной аналитической философии явно высветило те проблемы, которые давно зрели в историческом знании, и поставило под угрозу существование истории философии. В этом контексте понятно, что аналитическая философия не столько была ответственна за кризис и угрозу уничтожения истории философии, сколько послужила мощным катализатором для поиска историко-философским знанием актуального и удовлетворяющего современным вызовам модуса своего существования.

Поиски такого модуса шли разными путями. Мы показали два способа адаптации истории философии к аналитической среде⁵⁸ – изнутри самой аналитической философии и изнутри истории философии, – и оба этих примера позволяют заключить, что строгий аналитический и научный инструментарий вполне может быть органично встроен в те исследования, которые раньше считались областью сугубо гуманитарного знания, а результаты применения этих методов раскрывают незаурядный потенциал истории философии. Фактически аналитическая история философии в контексте ее генезиса – это встреча двух разновременных и разнородных способов взгляда на мир и его описания, которые в условиях изначального конфликта смогли наладить критический диалог, обменяться методами, установками и содержанием и на выходе получить новый способ знания о прошлом философии, который в то же время выражает заботу о ее будущем.

⁵⁷ М.Н. Вольф, ««Априорная» история философии Канта и Гегеля в историографии философии XIX в.», *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 63 (2021): 54–56.

⁵⁸ Отдельный модус формируется в прагматической и неопрагматической среде, также инспирированной аналитиками, но его уже следует отнести не к аналитической, а скорее к релятивизированной истории философии.

Список литературы / References

- Берестов, И.В., М.Н. Вольф и О.А. Доманов. *Аналитическая история философии: методы и исследования*. Новосибирск: Офсет ТМ, 2019.
- (Berestov, Igor.V., Marina N. Volf, and Oleg A. Domanov, [*Analytic History of Philosophy; Methods and Studies*]. Novosibirsk: Ofset TM Publ., 2019. (In Russian))
- Вольф, М.Н. «Априорная» история философии Канта и Гегеля в историографии философии XIX в.» *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология* 63 (2021): 53–63, <https://doi.org/10.17223/1998863X/63/6>.
- (Volf, Marina. N. «The “a priori” History of Philosophy of Kant and Hegel in the 19th Century Historiography of Philosophy». *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science* 63 (2021): 53–63, <https://doi.org/10.17223/1998863X/63/6>. (In Russian))
- Лавджой, Артур. *Великая цепь бытия: История идеи*. Пер. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- (Lovejoy, Arthur Oncken. *The Great Chain of Being: A Study of The History of An Idea*. Translated by V. Sofronov-Antonomi. Moscow: Dom intellektual'noi knigi Publ., 2001. (In Russian))
- Ницше, Фридрих. «Несвоевременные размышления II. О пользе и вреде истории для жизни». Перевод Я. Бермана, А. и Е. Герцык. В *Полное собрание сочинений: В 13 томах*. Т. 1/2. *Несвоевременные размышления. Из наследия 1872–1873 гг.*, под общей редакцией И.А. Эбаноидзе, 83–172. М.: Культурная революция, 2013.
- (Nietzsche, Friedrich. «Unzeitgemäßen Betrachtungen. Zweites Stück: Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben», übersetzt von Ya. Berman, A. and E. Gertsyk. In [*Gesamtausgabe: in 13 Bände*]. Bd 1/2. [*Unzeitgemäßen Betrachtungen. Werke der 1872–1873*], herausgegeben von I.A. Ebanoidze, 83–172. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2013. (In Russian))
- Ницше, Фридрих. «По ту сторону добра и зла». Перевод Н. Полилова. В *Полное собрание сочинений: В 13 томах*. Т. 5. *По ту сторону добра и зла. К генеалогии морали. Случай «Вагнер»*, под общей редакцией Н.В. Мотрошиловой, И.А. Эбаноидзе, 7–227. М.: Культурная революция, 2012.
- (Nietzsche, Friedrich. «Jenseits von Gut und Böse», übersetzt von N. Polilova. In [*Gesamtausgabe: in 13 Bände*. Bd. 5. *Jenseits von Gut und*

- Böse. *Zur Genealogie der Moral. Der Fall Wagner*], herausgegeben von N.V. Motroshilova und I.A. Ebanoidze, 7–227. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012. (In Russian)
- Поппер, Карл. *Нищета историцизма*. Перевод С.А. Кудриной. М.: Издательская группа «Прогресс», VIA, 1993.
- (Popper, Karl. *The Poverty of Historicism*. Translated by S.A. Kudrina. Moscow: Progress Publ., VIA Publ., 1993. (In Russian))
- Рогонян, Г.С. «Предисловие переводчика». В *Эмпиризм и философия сознания*, Уилфрид Селларс, 7–17. Перевод Г.С. Рогоняна. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021.
- (Rogonyan, G.S. «[The Translator's Preface]». In *Empiricism and the Philosophy of Mind*, by Wilfrid Sellars, 7–17. Translated by G.S. Rogonyan. St. Petersburg: European University in St. Petersburg Publ., 2021. (In Russian))
- Рокмор, Том. «Заметки об истории философии и ее отношении к философскому “духу времени” (Zeitgeist)». В *История философии: вызовы XXI века*, ответственный редактор Н.В. Мотрошилова, 64–80. М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2014.
- (Rockmore, Tom. «[Notes on the History of Philosophy and Its Relation to the Philosophical “Spirit of the Times” (Zeitgeist)]». In *History of Philosophy: Challenges of the 21st Century*, edited by Nelly V. Motroshilova, 64–80. Moscow: Canon+ ROOI Rehabilitation Publ., 2014. (In Russian))
- Рорти, Ричард. «Историография философии: четыре жанра». В *Неопрагматизм Ричарда Рорти*, И. Джохадзе, 190–194. М.: УРСС, 2001.
- (Rorty, Richard. «The Historiography of Philosophy: Four Genres». In *Richard Rorty's Neopragmatism*, by I. Dzhokhadze, 190–194. Moscow: URSS, 2001. (In Russian))
- Джирони, Фабио. «Что для нас сделал Кант? Спекулятивный реализм и динамическое кантианство». Перевод О.А. Лунева-Коробского. *Respublica Literaria* 5, № 2 (2024): 124–149, <https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.2.124-149>.
- (Gironi, Fabio. «What Has Kant Ever Done for Us? Speculative Realism and Dynamic Kantianism». Translated by O.A. Lunev-Korobsky. *Respublica Literaria* 5 no. 2 (2024): 124–149, <https://doi.org/10.47850/RL.2024.5.2.124-149> (In Russian))
- Amaral, Pedro, ed. *Kant and Pre-Kantian Themes: Lectures by Wilfrid Sellars*. Atascadero: Ridgeview Publishing Co., 2002.

- Beck, L.W., N.E. Bowie, and T. Duggan. «Maurice H. Mandelbaum 1908–1987». *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association* 60, no. 5 (1987): 858–861.
- Corti, Luca and Antonio M. Nunziante, eds. *Sellars and the History of Modern Philosophy*. New York: Routledge, 2018.
- Corti, Luca and Antonio M. Nunziante. «The *lingua franca* of Thought: Wilfrid Sellars and the History of Philosophy». In *Sellars and the History of Modern Philosophy*, edited by Luca Corti and Antonio M. Nunziante, 1–12. New York: Routledge, 2018.
- Dancy, Russell M. *Plato's Theory of Forms*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Gironi, Fabio. «A Kantian Disagreement Between Father and Son: Roy Wood Sellars and Wilfrid Sellars on the Categories». *Journal of the History of Philosophy* 55, no. 3 (2017): 513–536, <https://doi.org/10.1353/hph.2017.0052>.
- Hatfield, Gary. «The History of Philosophy as Philosophy». In *Analytic Philosophy and History of Philosophy*, edited by Tom Sorell and G.A.J. Rogers, 83–128. Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Holland, A.J., ed. *Philosophy, Its History and Historiography*. Dordrecht: Springer, 1985.
- Lloyd, Christopher. «Realism and Stucturism in Historical Theory: A Discussion of the Thought of Maurice Mandelbaum». *History & Theory* 28, no. 3 (1989): 296–325.
- Mandelbaum, Maurice. «Arthur O. Lovejoy and the Theory of Historiography». *Journal of the History of Ideas* 9, no. 4 (1948): 412–423.
- Mandelbaum, Maurice. «The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy». *History and Theory* 5, no. 5 (1965): 33–66.
- Mandelbaum, Maurice. «The History of Philosophy: Some Methodological Issues». *The Journal of Philosophy* 74, no. 10 (1977): 561–572.
- Mourelatos, Alexander P.D. *The Route of Parmenides. Revised and Expanded Edition*. Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008.
- Popper, Karl. «Back to the Presocratics». In *Studies in Presocratic Philosophy*. Vol. 1. *The Beginnings of Philosophy*, edited by David J. Furley and Reginald E. Allen, 130–153. New York: Humanities Press, 1970.
- Preston, Aaron. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. London: Continuum, 2007.
- Rorty, Richard, Jerome B. Schneewind and Quentin Skinner, eds. *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

- Russell, Bertrand. *A History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*. New York: Simon and Schuster; London: George Allen and Unwin, 1946.
- Russell, Bertrand. *A Critical Exposition of the Philosophy of Leibniz: With an Appendix of Leading Passages*. Cambridge: Cambridge University Press, 1900.
- Sellars, Wilfrid. *Science and Metaphysics: Variation on Kantian Themes*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd; New York: The Humanities Press, 1968.
- Sellars, Wilfrid. «Autobiographical Reflections». In *Action, Knowledge and Reality*, edited by Hector Neri Castañeda, 277–293. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company, Inc., 1975.
- Sellars, Wilfrid. *Essays in Philosophy and Its History*. Dordrecht: Springer, 1974.
- Strawson, Peter F. *Bounds of Sense: An Essay on Kant's Critique of Pure Reason*. London: Methuen, 1966.
- Verstegen, Ian F. *Maurice Mandelbaum and American Critical Realism*. London, New York: Routledge, 2010.
- Wedin, V. Michael. *Parmenides' Grand Deduction: A Logical Reconstruction of the Way of Truth*. Oxford: Oxford University Press, 2014.